

ЧТО ТАКОЕ НЕТРУДОВОЙ ЧЕЛОВЕК?

Альманах «Макаренко». 2009 г.

Иван Синицын,
писатель-публицист

«**М**не 16 лет, и писать я буду о сверстниках. Круг наших интересов широк. Это и Ремарк, и Евтушенко, и биология, и восстание декабристов, и Моцарт, и современная музыка!.. Но мы, такие увлечённые и эрудированные, имеем по крайней мере три отрицательные черты: лень, эгоизм и стремление не замечать чужих страданий. Откуда в нас это?»

«Я не в силах справиться с сыном. Никого не понимает, всех презирает... Придёт утром, и не спрашивай, где был...»

«Кончаю восьмой класс. А что я умею, что люблю делать? Не знаю. Кем быть, куда идти дальше? Никаких интересов...»

«Мне 18. Задумываясь о себе, о своём настоящем и будущем, я не вижу ничего. Вечер в ресторане — радость, пьяная склока — развлечение. Нужна цель жизни...»

«Надоело, надоело жить так, как живут мои сверстники, одноклассники. Выйдешь во двор, и опять те же лица, умирающие со скуки... Казалось бы, всё есть — шмотки и прочие атрибуты “весёлой жизни”. Но как хотелось бы сменить эту “весёлую” жизнь на интересную, увлекательную...»

Отколь оно, «изнеженное племя»?

Загадка ли? И тут, и там, и здесь трудные ли, лёгкие, похуже ли, получше ли собою — всё это творения нетрудового бытия, питомцы нетрудовой школы! *Будь у нас школа истинно трудовая, мы наверняка не знали бы такого размножения нетрудовых людей. Нетрудовых и по духу и по жизненной своей направленности.*

В них надо видеть не одну лишь потерю какой-то части производительных сил страны. Дело куда сложнее и печальнее!

Ведь что такое нетрудовой человек? Есть несколько категорий таких людей. Есть демонстративно презирающие труд, есть стойко не любящие труд, есть такие (их особенно много), кто кое-как терпит его, относится к нему как к неизбежной неприятности. По всем им — кому в большей, кому в меньшей степени — родствен типичный образ нетрудового человека.

Макаренко здесь с одного взгляда уловил бы беду и без раздумий выставил бы ей навстречу такую могучую силу, как трудовая школа. Наши просветительские штабы, настроенные на старый, книжно-просветительский лад, на то способны не были. И школа оставалась оторванной от жизни.

Праздный человек громче всех шумит о развлечениях, о том, что ему скучно,

что ему некуда пойти, и мы не догадываемся спросить у него: «Дорогой, а что ты читаешь? Ты Толстого-то читал? Драйзера знаешь? Как ты занимаешься своим интеллектуальным и физическим развитием, сколько времени в сутки ты отдаёшь тренировкам и общественной работе?» Нет, мы даже на пленумах говорим не об этом, а о том, как занять его «тоскующую лень»! Мы ломаем головы, как воспитывать в нём нравственные качества, чувства патриотизма, уважение к людям, бережное отношение к природе, к общественному долгу и ко многому, многому ещё, и словно забываем, что всё это свободно и безо всяких резолюций развивает в человеке один молчаливый воспитатель — труд. Говорить о нравственности паразитирующему человеку, потребителю, и надеяться на успех — не роковое ли это заблуждение, идущее от традиций старой школы, строившей воспитание на одном лишь слове?

Школа должна идти впереди жизни

Основанием школы (по Макаренко) должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Основной формой приобщения учащихся к труду необходимо считать собственное школьное производство, являющееся единственной формой, при которой не утрачивается главное — единый школьный коллектив. Исходя из этого, следует отводить на производительный труд 1–2–3 часа ежедневно, в зависимости от возраста.

Необходимо ликвидировать многозвенную систему управления народным образованием. Центральным звеном новой структуры должно быть научно-производственное объединение по типу Опытной станции С. Т. Шацкого.

Ну хорошо, — услышал я на одной из встреч. — Введём мы два-три часа ежедневного труда в школе. Что это изменит?

Стоит подумать! Прежде всего, это изменит бытие детей. Не пустяк ведь, а? Дети входят в новую форму своего бытия. И входят трудовыми коллективами. Производительный труд, соединённый с учёбой, становится постоянным содержанием их жизни. Из далёкого призрачного видения, каким он представляется в условиях теоретической школы, на редких уроках труда, он для каждого ученика превращается в живую повседневную реальность, определяющую и круг его забот, и круг интересов, и его представления о своём будущем. В ином свете ему начинает видеться и смысл научных знаний, смысл учебного труда. Навсегда исчезает чувство отключённости от жизни, от мира взрослых, порождающее дух иждивенчества, потребительской беззаботности, а с тем — и бессмысленности собственного существования. Человек начинает ощущать себя силой действующей и нужной, растущим созидателем. Он ведь производит материальные ценности! А какая гордость за себя пробуждается при этом в подростке! Ведь даже самые проникновенные призывы к активности по силе влияния на подростка не могут сравниться с этим возвышающим его чувством.

Это ведь неоценимая помощь школе в воспитании детей! Помощь такая, при которой, по словам Макаренко, воспитание становится лёгким делом.

Если бы мы осуществили опыт А. С. Макаренко в масштабе всей страны, моральная, политическая, экономическая мощь наша была бы сказочной, удивительной, поражающей весь мир.

*Из статьи «Латать или перестраивать?»
Наши современники. № 6.*